

И.И. ДОКУЧАЕВ, Ю.М. РЕЗНИК

ФИЛОСОФ И ЕГО РОЛЬ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

***Аннотация:** Философия также разнообразна, как и ее идеи. Философий и философов много. Но у каждого из них имеются свои позиции в обществе. В зависимости от той или иной позиции философы различаются по следующим основаниям: активное сотрудничество с действующей властью и непосредственное участие в общественно-политических институтах (философ-политик или общественный деятель, лидер общественного движения); конфронтация с властью и критика существующего политического режима (философ-диссидент); аналитическая работа, в т.ч. критика действий власти в системе СМИ (философ-аналитик, философ-критик и публицист); участие в разных формах философского просвещения (философ-просветитель); философское ориентирование людей в современном мире, своего рода мировоззренческая навигация (философ-проводник); консультирование*

людей по мировоззренческим вопросам, помощь в разработке жизненных проектов (философ-практик).

Эти и другие проблемы взаимодействия философа и общества рассматриваются авторами в порядке диалога. Очевидно, что их взгляды на роль философа в обществе различны. Однако их объединяет общая заинтересованность в развитии отечественной философии.

И.И. Докучаев высказывает точку зрения, согласно которой философия есть умозрительное знание, основывающееся на возможности непосредственно постигать истину, которая не связана с утверждением о предметах, постигаемых с помощью внешних чувств. В этом смысле философия оказывается такой же формой знания, как и математика, она полностью является теорией, претендует на фундаментальность и очевидность своих результатов и позволяет понять такие проблемы, как сознание, открытое в рефлексии его собственнику, как различные свойства внешнего мира, гипотетически конструируемые в ходе мысленных экспериментов, которые можно поставить с помощью формальной логики и на основании данных экспериментальной науки.

Так понимаемая философия — есть дело профессионалов, которое можно продолжать только в их кругу. Философ оказывается проводником этого знания, но он может

Докучаев Илья Игоревич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории и теории культуры РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург). E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru.

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель центра философских коммуникаций Института философии РАН (Москва). E-mail: reznik-um@mail.ru.

выступать просветителем и публицистом, обращаясь к более широкому кругу слушателей. Политические или революционные претензии философа оканчиваются плохо как для него самого лично, так и для его философской системы. На таком пути философ оказывается слишком принципиальным и неспособным к учету политической конъюнктуры, а с другой стороны — слишком критически настроенным и неспособным к политической партийной дисциплине. Он становится либо плохим политиком, либо плохим философом. Попытки же превратить философию в практическое консультирование в итоге приводят к тому, что она становится психологией и теряет свою специфику.

Abstract: *Philosophy is as diverse as its ideas. There are many philosophies and philosophers. But each of them has their own positions in society. Depending on a particular position, philosophers differ on the following grounds: active cooperation with the current government and direct participation in social and political institutions (philosopher-politician or public figure, leader of a social movement); confrontation with the authorities and criticism of the existing political regime (philosopher-dissident); analytical work, incl. criticism of the actions of the authorities in the media system (philosopher-analyst, philosopher-critic and publicist); participation in various forms of philosophical education (philosopher-educator); philosophical orientation of people in the modern world, a kind of world outlook navigation (philosopher-guide).*

These and other problems of interaction between the philosopher and society are considered by the authors in the order of dialogue. Obviously, their views on the role of the philosopher in society are different. However, they are united by a common interest in the development of Russian philosophy.

I. I. Dokuchaev expresses the point of view that philosophy is a speculative knowledge based on the ability to directly comprehend the truth, which is not related to the statement about objects that are comprehended with the help of external senses. In this sense, philosophy turns out to be the same form of knowledge as mathematics, it is completely a theory, claims to be fundamental and obvious in its results, and allows us to understand such problems as consciousness, opened in reflection to its owner, as various properties of the external world, hypothetically constructed in the course of thought experiments, which can be put with the help of formal logic and on the basis of experimental science.

The so-called philosophy is the work of professionals, which can only be continued in their circle. The philosopher is the vehicle of this knowledge, but he can act as an educator and publicist, addressing a wider range of listeners. The political or revolutionary claims of the philosopher end badly both for him personally and for his philosophical system. On this path, the philosopher turns out to be too principled and incapable of taking into account the political situation, and on the other hand, too critical and incapable of political party discipline. He becomes either a bad politician or a bad philosopher. Attempts to turn philosophy into practical consultation eventually lead to the fact that it becomes psychology and loses its specificity.

Ключевые слова: философия, философы, жизнь, общество, политика, государство, мировоззрение, миссия философии, диссидентство, аналитика, социальная критика, навигация, проповедничество, просвещение, практика.

Keywords: *philosophy, philosophers, life, society, politics, state, worldview, mission of philosophy, dissidence, analytics, social criticism, navigation, preaching, enlightenment, practice.*

Резник Юрий Михайлович: *Уважаемые коллеги! Наш сегодняшний гость — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории культуры РГПУ им. А.И. Герцена — Илья Игоревич Докучаев. Суть предстоящего разговора я вижу в том,*

чтобы в ходе диалога попытаться найти новую модель взаимодействия философа и общества, в которой бы раскрылся практический потенциал, как самих философов, так и людей, которым адресована их помощь в решении мировоззренческих проблем.

Илья Игоревич! Вы — известный специалист в области философии культуры и теории культуры. Расскажите вначале немного о себе. Что послужило отправной точкой Вашей философской эволюции? И какие вехи своей жизни в философии Вы бы выделили?

Докучаев Илья Игоревич: Все началось с чтения «Трактата о принципах человеческого знания» Джорджа Беркли. На филологическом факультете Герценовского университета, где я учился, в курсе философии студенты готовили доклады по ключевым текстам, и мне достался Беркли. Чтение этой работы перевернуло все мое мировоззрение. Оказалось, что самые привычные представления рассыпаются в пух и прах под воздействием философских аргументов, если понять и признать эти аргументы всерьез. А я всегда относился к аргументам всерьез. Мне пришлось пересмотреть все, что я думал о том, каким образом существует мир и в каких формах, признать фундаментальную зависимость этого существования от сознания. Этот интерес к фундаментализации и радикализации исследования привел меня к тому, что за всеми моими филологическими проблемами я стал искать более глубокий пласт. И нашел его в культурологии и философии.

После окончания филологического факультета я направился в аспирантуру на философский факультет. Лекции историков философии Санкт-Петербургского университета были совершенно неубедительными. Почти никто не знал никаких иностранных языков, рассуждения были публицистическими и не отличались строгостью, которую я искал. И тогда мне повезло. В Санкт-Петербурге существовала Высшая религиозно-философская школа, в которой работал выдающийся историк философии XX в. — Алексей Григорьевич Черняков. Его гениальность для меня безусловна и несомненна. Он говорил на разных языках и мог свободно цитировать Аристотеля, Фому Аквинского, Декарта и Канта в таких объемах, что сложно было поверить, что такое бывает. Он был ученым и математиком, его глубокое знание возможностей логики и иностранных языков как средств герменевтики философских текстов, а также использование логических и семантических аргументов в философском споре были безупречными образцами философствования.

Одновременно я занялся культурологией в аспирантуре, где моим научным руководителем был Моисей Самойлович Каган — блестящий методолог гуманитарного знания и теоретик культуры. С ним я научился искать и находить ответы на фундаментальные вопросы, которые интересовали меня, без оглядки на чужие мнения; ценить самостоятельное мышление как основной ключ к решению любых проблем, не бояться собственного взгляда и отвечать за него. У меня были и другие учителя, но знакомства с М.С. Каганом и А.Г. Черняковым — решающие события моей философской биографии.

Мой самостоятельный путь начался с работы в области теории знаков, которая интересовала меня как способ создания универсальной речи о различных феноменах сознания и культуры, затем было исследование коммуникации как способа существования человеческого сознания, а затем ценностей — как основных социальных моделей, оказывающих решающее влияние на деятельность человека. Сегодня я почти закончил работу по онтологической культурологии, в которой я пытался показать, что весь мир, который окружает человека, создан им же самим, в разных фор-

мах и разными способами, что у философа почти нет инструментов для того, чтобы отличить исходные данные для этого создания и его результат, т.е. материю и форму, очевидное и сконструированное.

В какие-то моменты моей жизни философия не была основным предметом исследований, я занимался теорией права, семиотикой, аксиологией, теорией коммуникации, проблемами образования. Однако философия всегда была тем ключевым фоном, на котором только и были возможны любые исследовательские программы, которые я пытался реализовать.

Часть 1. Модели взаимодействия и соответствующие им позиции философов в современном обществе

Ю.М.: Илья Игоревич! Кроме М.С. Кагана, был еще такой замечательный культуролог, как Андрей Анатольевич Пелипенко. Он также считал философию недостаточным знанием для обоснования культуры.

Как известно, философов, как и философий, много. Есть академические, литературные и даже самодельные философы. Но мне интересно, как они проецируют свои концепции и позиции на общество, в котором живут и работают. Другими словами, каково их место и роль в современном обществе. Так, с моей точки зрения, возможны следующие модели взаимодействия между философами и обществом, а также соответствующие им социокультурные позиции самих философов:

— активное сотрудничество с действующей властью и непосредственное участие в общественно-политических институтах (философ-политик или общественный деятель, лидер общественного движения);

— конфронтация с властью и критика существующего политического режима (философ-диссидент);

— аналитическая работа, в т.ч. критика действий власти в системе СМИ (философ-аналитик, философ-критик и публицист);

— участие в разных формах философского просвещения (философ-просветитель);

— философское ориентирование людей в современном мире, своего рода мировоззренческая навигация (философ-проводник);

— консультирование людей по мировоззренческим вопросам, помощь в разработке жизненных проектов (философ-практик).

Эти модели и типы выделяются мной в произвольном порядке. Здесь не может быть какого-то единого основания их типологизации, кроме одного — способ или характер участия философов в общественной жизни страны. Что Вы думаете по этому поводу? Какую модель Вы бы еще могли добавить в данную типологию?

И.И.: Мне кажется, что в нашем обществе все эти функции выполняют не философы. С властью сотрудничают чиновники и политики, конфликтуют с ней активисты и блогеры, аналитикой занимаются экономисты, просвещением — журналисты, ориентированием и консультированием — священники и психологи.

В России никогда не ценилась рациональная культура, мы больше склонны верить, чем понимать. Священник и художник, политик и публицист — вот герои общественного мнения. Философ с его фундаментальным и математически выверенным подходом к решению тех или иных проблем здесь никому не нужен, он даже смешон, если не понимает этого. И в таких условиях очень сложно вырасти оригинальной и вместе с тем влиятельной философской системе. Назовите мне хотя бы

одного русского философа, уровня Канта, Шопенгауэра, Гуссерля, Хайдеггера или Витгенштейна. Их нет, и не потому, что мы философски бездарны, а потому, что они нам попросту не нужны. Поэтому я бы добавил сюда, в Вашу классификацию, философа-одиночку, который, несмотря на невостребованность и непрестижность, продолжает гнуть свою линию.

Ю.М.: Не могу согласиться с Вашим распределением функций между специалистами из разных областей. Тем более, что многие коллеги считают, что философы обязаны активнее включаться в публичное пространство своей страны. А философия как профессия должна расширить свои публичные возможности. Появилось даже название «публичная философия». На эту тему мы уже беседовали с профессором Шевченко Владимиром Николаевичем [2].

Но проблема общественной миссии философии гораздо шире. В нашем философском сообществе не хватает талантливых ораторов и организаторов общественно значимых дискуссий. В отличие от Вас я убежден, что нам нужны не только философы-исследователи, но и философы-аналитики, философы-консультанты, философы-публицисты и др. Но в первую очередь, нам нужны философы, способные работать в публичном пространстве.

Что нужно сделать, на Ваш взгляд, чтобы отечественные философы оказались востребованными в публичной сфере?

И.И.: Я думаю, что философы никогда не будут востребованы в нашей публичной сфере. Век философских систем закончился даже на Западе. То же самое можно сказать и об ученых. В начале XXI в. произошло фундаментальное изменение культуры: на смену классической креативной культуре, с ее акцентом на социально значимую личность и профессионального творца, с ценностями, разума, творчества и свободы, пришла культура сетевая, в которой нет ни творцов, ни творчества, ни личности.

В условиях социальной сети не может быть человека или общности людей, не может быть культуры как совокупности воплощенных ценностей, не может быть и большой науки или философии. Там есть фрагменты человека, его роли и функции, там есть временные интеракции, там есть виртуализация этих фрагментов и ролей, фиксация различных сиюминутных достижений, включая самые простые впечатления и мнения. Это – мир самодельных экспертов, ни во что не ставящих какую бы то ни было ученость. Это не значит, что настоящих ученых и экспертов больше нет, просто их мнение совершенно никому не нужно. Когда мы спрашиваем, что нужно сделать, чтобы вернуть авторитет ученому и философу, мы ностальгируем, причем даже не по собственному прошлому, а по прошлому западных стран.

Ю.М.: Илья Игоревич! Не могу и с этим согласиться. Вы слишком преувеличиваете, на мой взгляд, значение сетевых структур. Они не отменяют философию как рациональное знание и практику.

У нас по-прежнему между философией и политикой лежит огромная пропасть. В советский период философия вся была партийной, идеологически направленной. Так, например, у нас, в Институте философии РАН несколько лет назад прошла дискуссия на тему «Философия и идеология». Аудитория разделилась на два лагеря – тех, кто поддержал тезис В.М. Межуева о том, что философия остается одной из форм идеологии, и тех, кто встал на сторону Э.Ю. Соловьева, заявившего о принципиальной несовместимости философии и идеологии.

Принцип партийности нынче не в моде, хотя он никуда не исчез. По-прежнему у философов существуют разные идейно-политические предпочтения. Они сами их зачастую декларируют. Кто-то считает себя либералом, кто-то — консерваторм, а кто-то — социалистом или коммунистом. При этом я не встречал ни одного коллеги, который бы не позиционировал себя с той или иной идеологией. Хотя мы и слышим на каждом шагу, что философия должна быть вне идеологии, но она насквозь пропитана теми или иными идеологическими представлениями. Чаще всего за отказом от всякой идеологии стоит другая идеология (например, либеральная).

Как Вы относитесь к партийности (в данном случае — идейной направленности или идеологической ангажированности) в философии? Считаете ли Вы партийность сопутствующим или, напротив, чуждым явлением? Нужно ли от нее избавляться или стоит смириться с ее существованием и отечественная философия, как и прежде, должна считаться идеологической наукой? Другое дело, что сегодня она перестала служить одной идеологии (моноидеологии), превратившись по сути в полиидеологию.

И.И.: Невозможно быть безразличным к политике или общественной жизни, так или иначе ты слышишь эпоху и чувствуешь ее боль. Однако быть гражданином — вовсе не означает вступить в партию или утверждать преимущество той или иной идеологии. Быть гражданином — значит, быть неравнодушным человеком, пытаться разобраться в том, где зло и где добро, вставать на сторону добра.

Философия — хорошее подспорье в этом деле, но повторяю, она никому не нужна. У философа нет никаких преимуществ по сравнению с другими людьми сегодня, и не только в нашей стране. Сегодня у нас никакой идеологии нет, и она вряд ли возможна по той простой причине, что современный человек слишком сложен и много знает, а идеология — это всегда единство и простота. Поэтому служить можно не идеологии, а власти, а это — очень противное дело, по той простой причине, что никакая власть не достойна того, чтобы ей служить, ибо она всегда преследует корыстные цели и паразитирует на обществе и людях. И боже упаси нашу бедную забитую философию пуститься в такое предприятие как обслуживание власти. Но власть не примет ее, даже если бы она этого очень захотела, потому что пользы от философии никакой, а вред очень даже очевиден, как мы знаем по высказыванию одного известного управленца.

Ю.М.: *Илья Игоревич! Идеология есть и будет. И она не одна в нашем обществе. Она не так проста, как нам хочется думать. Сегодня либеральная идеология, которая пришла к нам в 1990-е гг., натолкнулась на сопротивление консервативно-патриотической идеологии. И философы не оказались в стороне. Хотите Вы или нет, многие из них разделились между этими и другими идеологическими станами. Думаю, что Вы придерживаетесь не столь явно, как другие исследователи, определенной идеологической позиции. И не только в политике, но и в философии, какое бы будущее Вы ее не предвещали. С моей точки зрения, Вы как раз мыслите как западный человек и существуете в системе западных ценностных координат. И как специалист по теории ценностей Вы не можете это отрицать.*

Несмотря на Вашу критическую позицию по отношению к философии, рассмотрим теперь выделенные мной типы современных философов по порядку. Я настаиваю на том, что для нее имеются основания. Для начала представлю позицию философа-политика, который не просто идет на сотрудничество с действующей властью и принимает активное участие в политической жизни, но и занимает определенные посты. Надо отме-

тить, что отечественные философы редко сотрудничают с властью. Существует негласная установка, что философия и политика несовместимы. Политическое участие якобы не соответствует его профессиональной этике. Но кто устанавливал эти правила? Этического кодекса российского философа до сих пор не существует.

Академический философ фактически не заметен в публичном пространстве. А научные конференции обычные люди не смотрят. Преподаватели же философии известны только в своей студенческой аудитории. На политические шоу философов приглашают крайне редко. Но я столкнулся, например, с таким парадоксом: часть участников «Воскресного вечера Владимира Соловьева» имеют ученые степени кандидатов или докторов философских наук, и их можно условно отнести к философам-политикам.

Приведу примеры.

Владимир Жириновский, лидер партии ЛДПР – доктор философских наук (защита диссертации состоялась в 1998 г. на социологическом факультете МГУ);

Геннадий Зюганов, лидер КПРФ – доктор философских наук (защита диссертации прошла в 1995 г. в МГУ);

Сергей Михеев – выпускник философского факультета МГУ (1999).

Ариэль Коэн (США) – доктор философии (1993).

Часть из них, например, Сергей Кургинян и Дмитрий Куликов, пишут статьи или книги на философские и выступают на околофилософские темы.

Спрашивается, зачем им нужны были ученые степени или философское образование? Но этот вопрос относится к разряду риторических. Не все же политики и общественные деятели должны быть юристами или экономистами. По признанию самого Сергея Михеева, которое он сделал недавно на очередной передаче у Владимира Соловьева, он лично, несмотря на философское образование, не относит себя к философам. Поэтому таких людей, как он трудно не считать «случайными людьми» в философии. Они давно потеряли с ней связь. Большинство из них не «живут в философии» и никак не идентифицируют себя с нею. Но остаются ли они при этом философами? Я считаю, что так или иначе они придерживаются определенной философской эпистемологии и аксиологии, что наглядно демонстрируют в своих текстах и выступлениях.

Существуют также общественные движения, в т.ч. в самой философии. Известны гуманистическое движение, движение философов-практиков. И, как правило, они не всегда отстраняются от политики. Тот же Сергей Кургинян является лидером движения «Суть времени», режиссером театра, автором работ по философской публицистике. В то же время он участвует в политических шоу и ведет общественно-политическую деятельность. Можно ли его отнести к категории философов, работающих в политике? Ведь он не только лидер движения, но и пропагандист и публицист, отстаивающий идею исторического реванша и возврата к Советскому Союзу пусть даже в обновленном виде. Кроме того, Кургинян призывает признать свое «метафизическое падение», покаяться в отречении от своего первородства и влиться в ряды «ополченцев» [4; 5]. В качестве руководящего документа Курганян предлагает нам Манифест (см. прим. 5-6).

Одним словом, каким Вы видите философа в публичном пространстве России? Может ли философ быть лидером политической партии или депутатом парламента, не теряя при этом своей профессиональной идентичности? Если Вы считаете, что может, то какова тогда его гражданская миссия как философа? И что неизменно он должен сохранить в себе в плане идентичности, чтобы остаться в профессии?

И.И.: Примеры, которые Вы привели, скорее, говорят о том, что у нас система присуждения ученых степеней в последние годы утратила какое бы то ни было научное значение, она превратилась в предмет купли-продажи. Усилия по возвращению ей этого значения выглядят не менее ужасающими, чем то, против чего они направлены. Ибо проблема здесь кроется не в технике защит и видах требований к соискателям, а в социальном престиже науки, которого нет и который продолжает снижаться, опять же добавлю, не только в нашей стране.

Когда-то философы считали, что философия – важнейшая часть образования политика, что настоящим политиком может быть, прежде всего, философ, а законодателем – только философ. Но мы знаем, как поступили с проектом Платона и с ним самим в Сиракузах, когда он занялся не философией, а политикой. И вовсе не факт, что если бы он довел свой проект тоталитарного государства до полной реализации, то все были бы рады этому и довольны. Мы помним, как Марк Аврелий, который был лучшим римским императором и блестящим философом, умирая, не сделал ничего, чтобы власть после него не досталась бездарному и аморальному Коммоду. Со временем ничего не изменилось. Выдающийся философ двадцатого века Мартин Хайдеггер искренне верил в национал-социализм, и даже после его крушения полагал, что это был великий политический проект.

Философия не гарантирует иммунитета от политического преступления или политической авантюры, от провалов и глупостей. Но если раньше ей доверяли, и почти всегда неоправданно, то теперь у нее нет этого преимущества. Сегодня политическая система совершенно самодостаточна, она не нуждается в авторитетах и способна уничтожить любого из них. Поэтому мы можем увидеть философа политиком или чиновником, но в этой функции он будет действовать не как философ, а как политик и чиновник. И если раньше философ мог принести много вреда своей философией людям как политик, то сегодня он принесет вред только себе как философу, если станет хорошим политиком, и как политику, если останется хорошим философом.

Ю.М.: Ваши рассуждения, как и мои, умозрительны. У нас нет политического опыта. А вред наносит политике не философ, а человек, не обладающий достаточным опытом и знаниями в области политической деятельности. Это касается Платона, Аврелия, Хайдеггера и других философов, когда-либо участвовавших в политике. Некоторые из них больше «играли» в политику или симпатизировали ей. И все же это не отрицает сам факт существования такой позиции, как философ-политик. Философия, как и наука, накладывает отпечаток на профессию политика. И в отличие от Вас я допускаю возможность совмещения философии и политики. Что плохого, если в правительстве будут участвовать не только юристы и экономисты, но и философы? Вы же, например, совмещаете научно-исследовательскую, преподавательскую и журналистскую деятельность. И как журналист Вы оказываете идейное влияние на публичную сферу России.

Однако для философов, как и всех гуманитариев, характерны сложные отношения с властью. И, как правило, отечественный философ редко сотрудничает с ней, так же как и редко открыто противостоит ей. По своему характеру нынешнее поколение философов не склонно к революционизму. Но всегда находилась тот, кто бросает вызов власти. Его называют, как правило, диссидентом. Кто же такой философ-диссидент? Как известно, термин «диссидент» (лат. *dissidens* – «несогласный») означает буквально «инакомыслящий». И здесь недостаточно одной критики существующего режима, чтобы быть диссидентом. Критический настрой можно встретить у большинства философов. Кро-

ме критического мышления, нужна еще воля к действию и готовность пожертвовать своим благополучием ради осуществления общественного идеала.

Таких философов даже в советское время было немного, а сегодня совсем нет. Могу предположить, что философом-диссидентом был в свое время Александр Александрович Зиновьев (1922-2006), участник войны, автор оригинальной концепции логики и знаменитого романа «Зияющие высоты». Однако и его нельзя назвать революционером. В молодые годы он сформировался как антисталинист, а в зрелые заслужил репутацию диссидента и критика реального социализма. Был вынужден эмигрировать в Западную Европу, где опубликовал множество книг и статей. Затем, после развала СССР, стал занимать позицию критика феноменов западнизации и глобализации. Вернулся в Россию и стал участвовать в жизни философского сообщества. Его последние годы прошли опять же в критическом переосмыслении исторического опыта современной России.

Мне также довелось встречаться с ним не один раз. И у меня не сложилось впечатление о нем как о революционере. Скорее, в своих работах он выразил протест против социальной действительности — вначале советской, а затем и западной. Но фигура крайне интересная и самобытная. К тому же не многие знают, что он был, помимо прочего, еще и прекрасным художником. Мое интервью с ним было опубликовано в журнале «Личность. Культура. Общество» [1].

Среди философов запоминаются не только диссиденты, открыто конфронтирующие с властью, но и «неформалы», которые не очень-то вписывались в институциональные коридоры и поэтому вынуждены создавать собственные интеллектуальные площадки. Я их называю «бунтарями» или «внутренними» диссидентами. Таким был, например, Георгий Петрович Щедровицкий (1929-1994) — создатель организационно-деятельностной методологии, широко пропагандировавший практические методы философствования и устраивавший регулярно семинары, игровые представления и пр.

Что Вы думаете об этой категории философов? Знакомы ли Вы лично с диссидентствующими философами? Что Вы думаете о них как о профессионалах в философии? Или термин «профессионал» применительно к философии Вы не используете?

И.И.: Критическое и теоретическое отношение к происходящему — характерная черта философии, и поэтому философ редко занимается практикой, в т.ч. и политической. Это вредит чистоте эксперимента. Однако критики и теоретики тоже полезны, ибо на основании их достижений вполне возможны политические проекты и их реализация. Может быть, в этом есть своя система сдержек и противовесов, не допускающая трагической развязки, которая произошла с тем же Платоном.

Философ слишком категоричен, чтобы быть политиком, и слишком критичен, чтобы быть диссидентом. Политик всегда учитывает массу нюансов и корректирует идеологию и теорию так, чтобы удержаться у власти, философ же принципиален и неспособен к таким компромиссам. У философа есть и еще один — противоположный — недостаток в политическом плане, он не способен дать окончательный ответ на конкретный вопрос, а именно это — основа для принятия решений. Мне не знакомы были философствующие диссиденты или революционеры, не боящиеся пострадать за свои идеалы. И дело не только в конформизме, но, прежде всего, в природе философской позиции. А вот профессионалов в сфере философии я знал, мне повезло.

Ю.М.: Я бы перефразировал Ваше выражение: «Философ слишком категоричен, чтобы быть политиком, и слишком критичен, чтобы быть диссидентом». С моей точки зрения, философ достаточно категоричен и рационален, чтобы быть полити-

ком, и достаточно критичен, чтобы быть диссидентом, борющимся с политическим режимом.

Но есть и те философы, которые нашли свое призвание в публицистической деятельности. Это — философы-публицисты. Приведу пример. Александр Вадимович Рубцов — автор множества статей в газетах и журналах, в т.ч. в «Новой газете», «Ведомостях», журнале «Forbes» и др. (см. прим. 4). Тематика статей автора разнообразна: постмодерн и неомодерн, политический климат в России, феномены политического инфантилизма и нарциссизма и пр.

Честно говоря, идея политического нарциссизма, предложенная А.В. Рубцовым в ряде своих статей и выступлений, мне представляется несколько искусственной конструкцией. Часть аргументов против такого подхода я изложил в своих статьях и заметках [3; 4; 5]. Однако ради справедливости должен признать, что я разделяю в целом критический пафос автора, направленный на объяснение причин происходящего и на обнаружение системных пороков современного российского общества. Я всегда восхищался великолепным публицистическим стилем и манерой изложения А.В. Рубцова. Его меткие суждения и точные зарисовки почти всегда попадают в точку. Это — глубокий аналитик и публицист. Мои же возражения адресованы не столько конкретному автору, сколько всем идеологам неolibеральной волны, которые в своем неприятии существующей власти готовы переступить черту — заняться «терапией» целых социальных слоев, которые ведут себя пассивно, «неправильно» голосуют и пр. Иначе говоря, они собираются возродить, по сути дела, социальную или человеческую инженерию. Им, видите ли, не нравится человеческий материал и они его собираются корректировать, в т.ч. методами социальной терапии. А кого тогда считать терапевтами, обладающими всей полнотой психоаналитической власти над массой? Если не считать этих принципиальных расхождений, то со многими критическими замечаниями А.В. Рубцова я могу согласиться.

У многих философов, занимающихся публицистикой, сложилась настоящая мания величия. А некоторые из них вообразили себя вершителями человеческих судеб, которые могут ставить диагноз болезням общественного сознания и практиковать методы психотерапии. Вот с этим я решительно не могу смириться.

А Вы что думаете о философах-публицистах в современной России? Почему, на Ваш взгляд, в них преобладают представители либерального крыла в отечественной философии?

И.И.: Вот публицистика — дело гораздо более соответствующее природе философии. Это, конечно, совершенно не одно и то же, потому что теория философов претендует на формальное постижение реальности, которое не зависит от исторического момента, однако проекция формального на материальное — не такое противоречивое дело, как политика.

Великие философы эпохи Просвещения, Романтизма и Позитивизма были замечательными публицистами. Вспомним Вольтера, Руссо, Дидро, Конта, Канта, Гегеля, Шеллинга, Гегеля и других. Все они написали массу сочинений публицистического жанра наряду с философскими трактатами. В России было немного не так, все великие публицисты не дотягивают до философов. Вспомним Хомякова и братьев Аксаковых, Белинского и Герцена, Леонтьева и Михайловского. Даже религиозные философы в России, такие как Соловьев и Бердяев — это, прежде всего, публицисты. Их и в политику постоянно затягивало, и из этого опять-таки ничего хорошего не вышло ни для нашей истории, ни для них лично.

Что касается либерализма, консерватизма, фашизма, социализма и прочих терминов публицистического дискурса, используемых в нашей журналистике сегодня, то я полагаю, что они совершенно утратили свой смысл, ибо применяются к самым противоположным явлениям. Либерализм — это идеология свободы личности от вмешательства со стороны общества и государства. Ему противоположен социализм, который провозглашает полный контроль над личностью со стороны общества и государства. Истина посередине. Без свободы невозможно бытие человека, но сложно представить его жизнь и вне общества, вне взаимопомощи и выполнения обязанностей по отношению к другому. Необходимо избегать крайностей и понимать их ценность.

Ю.М.: Середина, возможно, как раз в том, что называют «либеральным социализмом» или «социальным либерализмом». Эти доктрины провозглашают идеи свободы, равенства и солидарности. Но боюсь, что для России этот вариант не сможет стать «серединой». Обе политические доктрины («либерализм» и «социализм») имеют не такое уж большое число сторонников. По-видимому, нужны иные интегративные программы. Мне, например, импонирует экологическая модель общественного развития, которая разрабатывается сторонниками экофилософии и социальной экологии. Но это тема отдельного разговора.

Несколько слов о позиции философа-просветителя. Система просвещения после распада СССР практически прекратила свое существование. Раньше философы могли работать в университетах марксизма-ленинизма или обществе «Знание». Но последнее уже не может выполнять свои задачи в общероссийском масштабе и ограничено частными функциями.

К философам-просветителям можно добавить сторонников философии для детей. В России это направление развивает образовательный портал «Философия для детей» (см. прим. 2). Существует другое направление «Философия — детям» (см. прим. 3). Последнее представляет, в частности, профессор МГУ Л.Т. Ретюнских. Оба направления имеют широкие международные связи. Но различаются они не содержательно, а институционально.

В Российском философском обществе уже давно «бродит» идея о создании широкой сети философского просвещения с региональными филиалами. Вынашивается предложение о создании Народной академии философии. Как Вы относитесь к такому предложению? Смогут ли философы занять эту нишу в обществе? Или страна уже не нуждается в подобного рода просвещении и интернет выполняет большинство мировоззренческих запросов населения?

И.И.: Несмотря на утрату авторитета и философия, и наука — такие формы культуры, без которых невозможно человеческое бытие. Человек всегда будет нуждаться как в умозрительном, так и в экспериментальном знании. О сознании пока никакая наука не в состоянии сказать так и столько, как и сколько это делает философия. И естественно, раз существует интеллектуальная жизнь самого высокого уровня, существует она и рангом ниже, а значит, между ними возможна и должна быть связь — просвещение.

Не только спрос формирует предложение, но и предложение формирует спрос. Не стоит думать, что философия будет очень востребована, или что она станет конкурировать с интернетом. При этом она будет востребована в той мере, в какой сегодня существует потребность в умозрительном знании и в какой сегодня есть люди, способные это знание предложить, в т.ч. и посредством Интернета. Другое дело, что

в просвещении сегодня мало кто нуждается, большинство полагают, что разбираются во всем лучше любого профессионала. Поэтому просвещение и научное, и философское возможны, но они не будут иметь того грандиозного масштаба, какой был в восемнадцатом веке. Эти времена безвозвратно прошли, и поэтому не стоит жалеть о них, а стоит задуматься о том, что делать сегодня.

Ю.М.: Удивляюсь Вашему пессимистическому взгляду на философию и ее просветительскую миссию. Между тем, интернет сегодня переполнен информацией о философах прошлого и фундаментальных философских идеях или понятиях. А это значит, что тяга к философским и шире – мировоззренческим – вопросам имеется у значительной аудитории. Отсюда вовсе не следует то, что философия не востребована. Скорее всего, философы пока еще не нашли своего места в сетевом пространстве. Они по старинке предпочитают работать с живой аудиторией и текстами.

«Философ-проповедник» – это мыслитель, который своим образом жизни демонстрирует истинность своего учения. Речь идет не о «хождении в народ», а о более тесных контактах с обычными людьми, которым нужна помощь в решении мировоззренческих проблем.

Конечно, мне могут возразить. Блюстителей высокой нравственности и так хватает среди священников или многочисленных гуру и «учителей жизни». Зачем философам брать на себя такую миссию и выступать в роли проповедников? Отвечу так: философы по роду своей деятельности относятся к духовному производству. Стоит ли тогда им отдавать сферу духовного влияния на людей священнослужителям или самым обычным проходимцам (гуру, сектантам и пр.)?

Но много ли философов-проповедников в России, которые могли бы исполнить такую роль? Думаю, что нет. Могу отнести, например, Владимира Александровича Кутырева именно к таким философам. Ему принадлежит немало научно-публицистических работ на тему экологии человека и человечества. Не случайно его называют основателем школы антропологического консерватизма.

Как Вы относитесь к позиции философа-проповедника?

И.И.: Думаю, что философ-проповедник – это оксюморон. Проповедь – не дело философа. Дело философа – сомнение и анализ, а не вера и утверждение истины. Российская философия постоянно сбивалась на проповедь, пока не превратилась в эту самую проповедь и не была полностью устранена. Павел Флоренский в своей главной работе «Столп и утверждение истины» говорит, что существование Бога в равной мере можно признать и не признать, но если не признать, а он все-таки существует, то это приведет к тяжким последствиям для души человека и космической судьбы. Значит, надо признать и действовать не просто в рамках этого признания, а принять веру в той форме, в какой ее создает церковь. Это позиция – полный распад философской установки. Как бы ни было тяжело, философ не должен признавать того, в чем он может и должен сомневаться. И именно сомнение и основанный на нем анализ – дело философа. Проповедь – философский коллапс. Для того, чтобы его избежать, достаточно поставить вопрос Флоренского иначе: а что, если Бог не существует, и все, что о нем говорит церковь, – вымысел и социально-культурная традиция, а значит – иллюзия, которая заслонила собой жизнь и превратила ее в насилие над теми, кто не в состоянии верить в проповедуемые истины.

Ю.М.: Илья Игоревич! Как хорошо, что Вы знаете об истинном предназначении философа («пробуждать сомнение» и «проводить анализ»). И поэтому для Вас не суще-

ствуем других, чаще всего «маргинальных» позиций, которые могут занимать философы, отбившиеся от «стада» (позиций «профессионалов» или тех, кто интегрирован в институциональные структуры — академические и образовательные учреждения). По опыту своей работы в Российском философском обществе мне приходится сталкиваться с «любителями философии» или «самодеятельными философами». Имеются также популяризаторы философии. И всех их объединяет философская идентичность.

Теперь о «философе-проводнике» — философе, который идет своим путем, ориентируясь исключительно на собственные убеждения и опыт. При этом все, кто желает найти выход из сложных ситуаций, могут присоединиться к нему. Но в данном случае он не вещает и не призывает пойти за ним или его учением, а сам прокладывает путь среди терний.

Однако прокладывать путь по маршруту под названием «Жизнь» можно по-разному. И здесь недостаточно указать на ориентиры, которые помогут сориентироваться на местности («территории жизни»). Нужно, как призывает наш коллега из Новосибирска — С.А. Смирнов, научить своих путников навыкам навигации или освоить их вместе с ними по ходу движения по указанному маршруту. При этом изменение общества не является самоцелью. Каждый философ образует вместе с другими путниками своеобразное сетевое сообщество, которое базируется на общей исследовательской (поисковой) программе, но не имеет заранее предписанных ориентиров движения. Сами же ориентиры являются предметом коллективного (внутригруппового) обсуждения и последующего анализа.

Встречались ли Вы, Илья Игоревич с философами-проводниками? Что Вы можете о них сказать? Каково Ваше отношение к философскому ориентированию в повседневной жизни людей?

И.И.: Думаю, именно эта позиция мне ближе всего. Я всегда старался образовывать именно группы единомышленников и искать методы навигации. Когда я написал книгу «Ценность и экзистенция», у меня состоялся такой же, как сегодня, творческий вечер в одном замечательном дальневосточном театре. Книга была посвящена исторической типологии смыслов человеческой жизни. И меня спросили, знаю ли я, в чем этот самый смысл, и буду ли я учить этому смыслу своих детей. И я ответил, что конечно не знаю такого смысла, который был бы приемлем для всех без исключения. Каждая эпоха создает этот смысл, который и есть та самая навигационная система для того, чтобы пройти свой земной путь. А детей своих я учу тому, чтобы они ничему не доверяли, но все научились проверять, чтобы они сами могли найти этот смысл или создать его и принять таким, каким создали и нашли. Смысл жизни не должен быть производной от страха перед ней, он должен рождаться от любви к ней и знания ее.

Ю.М.: Понятно. Илья Игоревич! Кроме академических философов, занимающихся практической или прикладной философией (см. прим. 7), имеется еще одна категория философов — философы-практики. Последние исходят из того, что философия — это не только система знаний, но и практика или практики, в т.ч. проектная. На этом настаивает, в частности, наш коллега из Челябинска — Борисов Сергей Валентинович, один лидеров Ассоциации философов-практиков «Рацио» (РАФП), которая является звеном международной сети. Борисов и его коллеги считают, что философская практика — «это новый тренд современной философии, откликающийся на вызовы времени. Философская практика — это знакомство с философской традицией в новом формате, максимально приближенном к миру повседневности. Философия здесь не просто набор знаний или изложение философских систем — это форма духовной деятельности, направ-

ленная на постановку, анализ и решение тех или иных мировоззренческих проблем, волнующих современного человека, связанных с выработкой целостного взгляда на мир и определения своего места в нем» (см. прим. 1).

Философы-практики полагают, что:

– философию надо приблизить к личности, используя весь арсенал идей, накопленный философской мыслью;

– нерешенные мировоззренческие проблемы (о свободе, смысле жизни, страхе, одиночестве и пр.), накапливаясь с годами, трансформируются в своего рода «философскую болезнь», которую можно излечить лишь философскими методами, в т.ч. посредством консультирования, игрового моделирования и т.д.;

– нужно помогать обычным людям вырабатывать жизненную философию или так называемое смысловжизненное кредо.

Как Вы относитесь к такой практической философии и движению философов-практиков в целом?

И.И.: Практика – дело хорошее, но опять-таки не вполне философское. Дело философа – теория, то есть практика теоретизирования. Ни в коем случае нельзя считать философом любого дилетанта, рассуждающего о том, как устроен мир, автора «метафизики от яйца» и «теории всего». Философия имеет свою историю и любая идея должна учитывать этот контекст.

Однако не стоит думать и противоположным образом, что философия – только история философии, и ничего самостоятельного в ней больше уже невозможно сделать. Именно самостоятельная мысль – самое главное в философии. Только такого рода практику я понимаю как философское дело. Что же касается консультаций, то это все-таки хлеб психологов. Именно психологи занимаются консультациями, и они вполне могут учесть философский опыт для обогащения арсенала своих приемов. Философ же должен познавать мир и делиться этим с близкими ему людьми, профессионалами их общего дела.

Ю.М.: Спасибо, Илья Игоревич, за интересный разговор. Надеюсь, у нас еще будет возможность обсудить другие темы, в т.ч. проблему смысла жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мой путь в науке (интервью Ю.М. Резника с проф. А.А. Зиновьевым) // Личность. Культура. Общество. – 2001. – Т. III. – Вып. 4. – С. 278-334.
2. Резник Ю.М., Шевченко В.Н. Философия как публичная деятельность: мнения за и против // Личность. Культура. Общество. – 2019. – Т. XXI. – Вып. 1-2 (№№ 101-102). – С. 230-245.
3. Резник Ю.М. Человек в зоне отчуждения: поиск альтернатив // Личность. Культура. Общество. – Т. 18. – 2016. – Вып. 3-4. – С. 7-25.
4. Резник Ю.М. Российский человек сегодня: метаморфозы сознания // Личность. Культура. Общество. – Т. 20. – 2018. – Вып. 3-4. – С. 7-26.
5. Резник Ю.М. Преобразование человека: от социальной инженерии к практической экософии // Мифология века НТР: утопии, мифы, надежды и реальность новейших направлений науки. – М., 2020. – С. 253-274.
6. Докучаев И.И. Ценность и экзистенция: Основоположения исторической аксиологии культуры. – СПб.: Наука, 2009. – 598 с.
7. Докучаев И.И. Феноменология знака: избранные работы по семиотике и диалогике культуры. – СПб.: Наука, 2010. – 410 с.
8. Докучаев И.И. Persona Grata. Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет в лицах: книга-интервью: публикуется в связи с 55-летием со дня основания КнаГТУ. – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во КнаГТУ, 2010. – 210 с.
9. Докучаев И.И. Эдмунд Гуссерль. – СПб: Наука, 2017. – 288 с.

10. Докучаев И.И. Реформы и агония. Очерки истории высшего образования в постсоветской России. — СПб: Астерион, 2017.

BIBLIOGRAPHY

1. Мой путь в науке (intervyu Yu.M. Reznika s prof. A.A. Zinovevym) // Lichnost. Kultura. Obshchestvo. — 2001. — Т. III. — Вып. 4. — С. 278-334.
2. Reznik Yu.M., Shevchenko V.N. Filosofiya kak publichnaya deyatelnost: mneniya za i protiv // Lichnost. Kultura. Obshchestvo. — 2019. — Т. XXI. — Вып. 1-2 (№№ 101-102). — С. 230-245.
3. Reznik Yu.M. Chelovek v zone otchuzhdeniya: poisk alternativ // LKO. — Т. 18. — 2016. — Вып. 3-4. — С. 7-25.
4. Reznik Yu.M. Rossiyskiy chelovek segodnya: metamorfozy soznaniya // LKO. — Т. 20. — 2018. — Вып. 3-4. — С. 7-26.
5. Reznik Yu.M. Preobrazovanie cheloveka: ot sotsialnoy inzhenerii k prakticheskoy ekosofii // Mifologiya veka NTR: utopii, mify, nadezhdy i realnost noveyshikh napravleniy nauki. — М., 2020. — С. 253-274.
6. Dokuchaev I.I. Tsennost i ekzistentsiya: Osnovopolozheniya istoricheskoy aksiologii kultury. — SPb.: Nauka, 2009. — 598 s.
7. Dokuchaev I.I. Fenomenologiya znaka: izbrannye raboty po semiotike i dialogike kultury. — SPb.: Nauka, 2010. — 410 s.
8. Dokuchaev I.I. Persona Grata. Komsomolskiy-na-Amure gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet v litsakh: kniga-intervyu: publikuetsya v svyazi s 55-letiem so dnya osnovaniya KnAGTU. — Komsomolsk-na-Amure: Izd-vo KnAGTU, 2010. — 210 s.
9. Dokuchaev I.I. Edmund Gusserl. — Sankt-Peterburg: Nauka, 2017. — 288 s.
10. Dokuchaev I.I. Reformy i agoniya. Ocherki istorii vysshego obrazovaniya v postsovetsoy Rossii. — Sankt-Peterburg: Asterion, 2017.

Примечания:

1. См.: <http://garp.ru/gu/> (дата обращения: 12.09.2020).
  2. См.: <http://philosophy4kids.ru/> (дата обращения: 12.09.2020).
  3. См.: <https://www.phil4chil.ru/> (дата обращения: 12.09.2020).
  4. См.: Рубцов А. Перед грозой // Новая газета. 19 сентября 2018 г.; Рубцов А. Политический нарциссизм в России: краткая история болезни // Forbes. 19 сентября 2016 г.; Рубцов А. Политический нарциссизм в России: опыт психоанализа // Forbes. 12 сентября 2016 г. (дата обращения: 12.09.2020).
  5. См.: Кургиня С. Суть времени: В 4-х т. Т. 1. — М.: МОФ ЭТЦ, 2012. — 316 с. (дата обращения: 12.09.2020).
  6. См.: <http://eot.su/manifes> (дата обращения: 12.09.2020).
  7. В Институте философии РАН второй год реализуется исследовательское направление «Практическая и прикладная философия» (рук. — акад. А.А. Гусейнов). «Данное исследовательское направление ставит перед собой цель углубленного изучения практики в широком ее понимании, включающем деятельность индивида и социума по воспроизводству себя, реализации идей, замыслов, теорий, производству материальных и духовных продуктов, преобразованию природной и социальной среды, а также созданию необходимых материальных, культурных, организационных условий, обеспечивающих осуществление этой деятельности.
- Традиционно, практическая философия отличалась от теоретической, или спекулятивной философии и включала в себя этику, политику и экономику. Предмет современных практически-философских исследований и разработок распространяется также на эстетическую и художественную, творческую, конструкторскую, операционально-техническую, управленческую и т.п. деятельность. В современной философии предполагается, что практические импликации может иметь и спекулятивная философия, когда ставится задача применения на практике понятий и схем, разработанных в «чистой» теории» (см.: <https://iphras.ru/page27307290.htm>; дата обращения: 12.09.2020).

Поступила в редакцию 20.12.2020 г. (№ 2423)